

МАНШТЕЙН Эрих, фон MANSTEIN Erich, von

УТЕРЯННЫЕ ПОБЕДЫ

СОДЕРЖАНИЕ

“ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА”

МЕМУАРЫ

ГЛАВА 14.

“ЦИТАДЕЛЬ”

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ВЕСНОЙ 1943 г. ДОСТИЖИМ ЛИ БЫЛ ЕЩЕ НИЧЕЙНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ? ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕТСКОЙ АРМИИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ. НАНОСИТЬ ЛИ УДАР ПЕРВЫМИ ИЛИ ВЫЖИДАТЬ УДАРА ПРОТИВНИКА?

План “ЦИТАДЕЛЬ”. РАЗРАБОТКА ОПЕРАЦИИ. РОКОВОЕ ПРОМЕДЛЕНИЕ.

СОВЕЩАНИЕ В МЮНХЕНЕ. ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК МОДЕЛЬ. ДАЛЬНЕЙШАЯ ОТТЯЖКА ДО НАЧАЛА ИЮЛЯ. ОБМЕН МНЕНИЯМИ МЕЖДУ НАШЕЙ ГРУППОЙ И ОКХ.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ОТСОВЕТОВАЛИ ПРОВОДИТЬ ЗАПОЗДАЛОЕ НАСТУПЛЕНИЕ? РЕЧЬ

ГИТЛЕРА ОТ 1 ИЮЛЯ. НАСТУПЛЕНИЕ. 9 АРМИЯ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ. СОВЕТЫ НАСТУПАЮТ НА ОРЛОВСКУЮ ДУГУ. КРИЗИСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРУППЫ “ЮГ”. 13 ИЮЛЯ ГИТЛЕР ПРИКАЗЫВАЕТ ПРЕРВАТЬ НАСТУПЛЕНИЕ. ПЛАНЫ ГРУППЫ “ЮГ”.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР.

Весна 1943 г. на Восточном фронте прошла под знаком подготовки к операции “Цитадель”. Она была последней попыткой сохранить нашу инициативу на востоке. С ее неудачей, равнозначной провалу, инициатива окончательно перешла к советской стороне. Поэтому операция “Цитадель” является решающим, поворотным пунктом войны на Восточном фронте, и стратегические основы, на которых была построена эта операция, а также причины, по которым она провалилась, заслуживают рассмотрения. Поэтому я коротко остановлюсь на подготовке и проведении этой операции.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ВЕСНОЙ 1943 Г.

Весна 1943 г. поставила немецкое Главное командование перед трудным решением. Две проведенные нами кампании не привели к разгрому Советского Союза. Я не буду здесь говорить о том, в какой степени виной этому были политические и стратегические ошибки Гитлера, не буду также рассматривать вопрос о том, хватило ли бы - даже при разумных политических целях и безупречном стратегическом руководстве - вооружённых сил Германии для того, чтобы добиться нашей цели - разгрома Советского Союза. Он таки стоял на самом краю пропасти!

Теперь, кажется, прошло то время, когда Германия имела возможность покончить с восточным противником еще до начала решающего наступления на западе. Со времени высадки американцев в Северной Африке там уже можно было предвидеть наш конец, а открытие второго фронта на Европейском континенте тем

самым стало угрожающе близким. Теперь не только вопрос о силах, но и фактор времени стал решающим для войны на востоке.

У нас не было больше возможности нанести решающий удар по западным противникам, после того как Гитлер преждевременно отказался от вторжения в Англию, чтобы повернуть против Советского Союза. Заявление союзников в Касабланке, впрочем, не оставляло никакого сомнения в их стремлении к уничтожению не только Гитлера и его режима, но и Германии вообще. Если у нас была перспектива добиться мира с западными державами, то, видимо, только в том случае, если бы нам удалось отбить ожидавшееся с их стороны вторжение или разгромить их на континенте после первоначального успеха вторгшихся войск. Но эти две возможности предполагали высвобождение немецких сил на востоке.

Первый вопрос, на который надо было ответить, состоял в том - могли ли мы в то время вообще достигнуть на востоке приемлемого для нас решения, конечно, не в плане полного разгрома Советского Союза. Речь шла о том, не было ли возможности достичь ничейного результата? Это решение означало для Германии перспективу устоять как государство.

Сейчас говорят, что мысль о ничейном результате на востоке уже в 1944 г. была только мечтой. Мы не будем теперь говорить о том, было ли это действительно так. Мы, солдаты, не могли судить, существовала ли с политической точки зрения весной 1944 г. возможность достичь соглашения с Советским Союзом. Если бы Гитлер был на это готов, то такая возможность, вероятно, полностью не была бы исключена.

Но командование группы "Дон" (переименованной тогда уже в группу "Юг") было убеждено, что с военной точки зрения - при правильном оперативном руководстве - такого ничейного решения на востоке можно было добиться. Ведь путь от Сталинграда до Донца потребовал от противника больших жертв. В конце этой кампании он потерпел два тяжёлых поражения. Противник не достиг своей цели - окружения всего немецкого южного фланга, для чего имелись все предпосылки. В конце зимней кампании инициатива вновь перешла к немецкой стороне. Во всех зимних боях немецкие войска и их руководство вновь показали свои более высокие качества. Как бы дорого ни стоил нам Сталинград, по достоверным подсчётам ОКХ, противник с начала войны потерял пленными, убитыми и не способными более нести строевую службу уже 11 млн. Человек. Должны же, в конце концов, иссякнуть наступательные силы русских! Так, во всяком случае, рассматривали мы в то время в своём штабе военную обстановку на востоке. В этом, естественно, сыграло свою роль то обстоятельство, что нам удалось в почти безнадежном положении в конце кампании завоевать пальму победы.

Вряд ли стоило нам утверждать, по образцу многих запоздалых критиков, что война в любом случае будет проиграна. Перед нами стоял противник, и нашей задачей было остановить его перед границами Германии. Этого противника можно

было заставить принять ничейное решение только рядом ударов. С другой стороны, мы слышали о заявлении в Касабланке, которое давало нам только один выбор - добиться на востоке, по меньшей мере, равновесия сил.

Следующий вопрос состоял в том, как мы должны были вести операции на востоке в 1944 г.

Для наступления с далеко идущими целями, как мы это делали в прошлые годы, наших сил в сравнении с силами противника было недостаточно. Мы неизбежно, по-видимому, должны были теперь прибегнуть к обороне. Если Советы намерены изгнать нас из своей страны, то пусть они сами несут тяжесть и потери в наступлении, в котором они, может быть, истекнут кровью. Конечно, нас очень подкупала мысль - пользоваться оборонительной тактикой как наиболее прочным видом боя. Однако по двум соображениям мы могли принять оборону только в ограниченных масштабах.

Первое соображение. Весной 1944 г. никто не мог сказать, начнут ли Советы вновь наступать после окончания периода распутицы. Они ведь могли подождать, чтобы усилить свою группировку и посмотреть, когда их союзники действительно откроют второй фронт на континенте. Такая стратегия выжидания не исключала проведения ряда ударов небольшими силами, чтобы сохранить свой престиж и предотвратить оттягивание немецких сил с востока. Для немцев это было бы самым неприятным. Но это могло привести к тому, что мы, бездейственно ожидая в обороне, должны были бы потом вести войну на два фронта против сильных противников. По этой причине чистая оборона, нечто вроде позиционной войны, для нас была неприемлема.

Вторым соображением, говорившим против применения чисто оборонительной тактики, был тот простой факт, что нам не хватало для этого имеющихся на востоке дивизий. Фронт от Черного моря до Ледовитого океана был слишком велик для того, чтобы мы могли создать на нем прочную оборону, и меньше всего в полосе группы "Юг", которая должна была оборонять тогда 32 дивизиями фронт от Таганрога на Чёрном море до района юго-восточнее Сумы, составлявший около 760 км.

Соотношение сил позволяло Советам, в случае если бы мы ограничились чистой обороной, проводить наступление на различных участках Восточного фронта превосходящими силами и прорывать наш фронт. В результате этого противник добился бы или окружения стабильных участков фронта, или нашего отступления. 1944г. дал достаточно примеров того, к чему приводила нас попытка удерживать неподвижный фронт.

Следовательно, мы не могли ограничиться только чистой обороной! Наоборот, мы должны были - пусть даже и в рамках стратегической обороны - привести в действие факторы, которые давали нам преимущество перед противником: более искусное руководство войсками, высокие боевые качества войск, большую подвижность наших войск (особенно летом). Мы должны были, если даже в целом

мы и ограничивались бы обороной, пытаться нанести противнику мощные удары на отдельных участках, в результате которых он понёс бы значительные потери, особенно пленными, что могло бы привести, по крайней мере, к ничейному исходу войны. И в рамках стратегической обороны мы должны были снова вести манёвренные операции - в них заключалась наша сила. Это мы могли бы делать в случае, когда наступающий противник давал нам для этого благоприятные шансы, или в случае, когда мы это делали по своей инициативе.

Имея в виду подобное гибкое руководство операциями, группа армий “Юг” уже в начале февраля 1944 г. вошла с ходатайством в ОКХ, то есть к Гитлеру. Мы это сделали в связи с намечавшейся тогда большой переброской наших сил с правого фланга группы на левый, но уже планировали при этом дальнейшее ведение операций на востоке. Обмен мнениями по этому вопросу, исходивший главным образом от нашего штаба, продолжался до конца марта.

Если говорить в общем, то речь шла тогда о двух альтернативах. Или мы должны были предоставить инициативу противнику, ожидать его наступления, чтобы затем, имея выгодные предпосылки, нанести ответный удар. Или мы должны были пытаться удержать инициативу и упредить врага своим ударом еще до того, как он оправится после зимней кампании.

Решение этого вопроса зависело по существу от того, как оценивать предполагаемые действия противника после окончания периода распутицы. Наш ответный удар был бы возможен в связи с общей обстановкой только в том случае, если Советы были бы готовы в ближайшее время начать своё наступление.

ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ

Хотя и не была исключена возможность того, что Советы до открытия второго фронта их союзниками будут пассивны, мы все же полагали, что противник после окончания распутицы вновь начнёт своё наступление. Об этом говорила его уверенность, несомненно, увеличившаяся после успехов у Сталинграда. Для советского политического руководства было также с психологической точки зрения трудно сделать большой перерыв в неоднократно возвещавшемся им “освобождении святой русской земли”. Наконец, надо было полагать, что хозяин Кремля был намерен опередить своих союзников в Восточной Европе, прежде всего на Балканах. По этим причинам мы полагали - и в этом мы находили полную поддержку в ОКХ, - что противник после распутицы вновь начнёт своё наступление.

Если бы это произошло, то противник ввиду его численного превосходства получил бы большие возможности. Он мог пытаться путём прорыва на южном фланге группы “Север” оттеснить ее к морю и затем окружить. Он мог попытаться взять в клещи с севера и юга выступающий около Орла далеко на восток выступ, занимаемый группой “Центр”, с тем, чтобы, таким образом, взломать фронт всей группы.

Нигде противник не имел еще таких хороших оперативных и одновременно больших военно-экономических и политических шансов, как на южном фланге Восточного фронта, на участке группы "Юг"! Здесь немецкий фронт, охватывающий Донбасс, выступал, как "балкон", далеко на восток параллельно северному побережью Азовского моря. Если бы противник атаковал этот "балкон" с востока через Миус и с севера через Донец, то он мог бы прижать расположенные в Донбассе немецкие армии к побережью и там уничтожить их. Если бы он еще дополнил эти действия наступлением в районе Харькова в направлении на Днепр ниже Киева, то он мог бы достичь цели, которая ускользнула от него зимой 1942/43г., - окружения всего немецкого южного фланга у побережья Азовского и Черного морей. Он мог бы в этом случае разгромить не только группу армий "Юг", но и расположенную на кубанском плацдарме группу "А" с её 17 армией. Эта победа на южном фланге Восточного фронта отдала бы в руки Советов одновременно и важный в военно-промышленном отношении Донбасс и житницу Украины. Это открыло бы противнику путь на Балканы, в первую очередь к румынской нефти. Наконец, это не могло не сказаться на политической позиции Турции.

Так как наступление Советов ни на одном из других участков фронта не открывало таких перспектив, то надо было полагать, что главное направление их наступательных операций, если они вообще будут наступать, как и в 1942 и 1943г., будет находиться на южном фланге Восточного фронта. Имевшиеся в их распоряжении силы не исключали также возможности для нанесения местных ударов на других участках фронта.

Об этих планах свидетельствовала группировка сил противника. Перед фронтом группы армий "Юг" только в тылу противника стояло пять сильных групп оперативных резервов, насыщенных, прежде всего танковыми и кавалерийскими корпусами. Одна группа стояла перед нашим фронтом на Миусе, две - перед нашим фронтом на среднем Донце и две другие - восточнее и северо-восточнее Харькова. Кроме того, подброска сил с Кавказа и из Сталинграда продолжалась и в марте. Сильные резервы противника стояли также перед восточным и северным участками Орловской дуги, где находилась группа армий "Центр", а также у Москвы. В целом, обстановка не оставляла сомнения в том, что противник, рано или поздно, будет пытаться добиться решающего успеха на участке группы армий «Юг», а возможно, также и на южном фланге группы армий "Центр" путём наступления с охватом Орловской дуги.

Поэтому командование группы армий "Юг" ожидало, что противник сначала будет наступать на "донецкий балкон" с востока через Миус, а с севера - через Донец в его среднем течении, чтобы сковать находившиеся там наши армии или оттеснить их к побережью. Это наступление потом, вероятно, должно было бы быть дополнено наступлением из района Харькова или севернее в направлении на Днепр с целью повторить широкую операцию по охвату, не удавшуюся противнику в феврале-

марте. Начиная с лета 1944 г. Советское командование фактически так и действовало.

ОТВЕТНЫЙ УДАР?

На этих предполагаемых планах противника строился наш план нанесения ответного удара, который командование группы “Юг” неоднократно представляло в феврале-марте Гитлеру. Мы предлагали при ожидавшемся нами наступлении противника на Донбасс с боями отойти и пропустить армии противника на запад приблизительно до линии Мелитополь - Днепропетровск. Одновременно мы должны были подготовить крупные силы в тылу северного фланга группы армий. Эти силы должны были разбить наступающего там противника, чтобы оттуда нанести удар на юго-восток или на юг в глубокий фланг армий противника, наступающих через Донбасс на нижний Днепр, и уничтожить их на побережье.

В сравнении с немецким наступлением 1942 г. Главное отличие этого плана состояло в следующем. Мы намеревались нанести ответный удар после того, как противник введёт свои наступательные силы и частично их израсходует. Целью операций должны быть не территориальные цели на востоке (как в 1942 г. Сталинград или Кавказ), а уничтожение войск противника на важном фланге путём окружения его у побережья Азовского моря. Чтобы выполнить этот план и исключить возможность отхода противника на восток (как в 1942 г.), сначала мы должны были освободить ему путь через Донбасс на нижний Днепр, против этого соблазна он вряд ли устоял бы.

Если бы удался этот частичный удар с ограниченной целью, то нам удалось бы уничтожить значительные силы противника, и мы могли бы нанести второй удар на север против центральной группировки противника.

Безусловно, предпосылки для подобного ответного удара можно было создать и на других участках Восточного фронта. Но там можно было разбить противника только частично, а в это время противник сам бы стремился к решающей победе на юге. Кроме того, только на южном фланге была возможность при окружении противника использовать в качестве одной части дуги море. Для проведения этого, несомненно, очень рискованного ответного удара необходимы были две предпосылки.

Во-первых, немецкое Главное командование должно было более определённо, чем до сих пор, считать главным театром войны Восточный театр, а внутри него - южный фланг. На северном фланге группы “Юг” надо было создать сильное превосходство над предполагавшимися там силами противника, если мы были намерены довести операцию до успешного конца. Для этого было необходимо, во что бы то ни стало снять войска с второстепенных театров, даже если бы там создавалась опасность возникновения трудностей. Наносить удары на всех театрах - значило поставить под сомнение успех даже частичного удара на востоке. Надо было позаимствовать силы и у групп армий “Центр” и “Север”, по крайней мере, там надо

было создать оперативные резервы, в случае необходимости - даже путём своевременного выравнивания фронта (в первую очередь путём оставления и без того опасной дуги у Орла на участке группы “Центр”).

Во-вторых, немецкое Главное командование не должно было бояться создать шансы на успех ответного удара ценой отказа от территории, в данном случае - от Донбасса. Если оно не было в состоянии проводить наступление с далеко идущими целями путём ведения манёвренных боев, в чем мы тогда превосходили противника, то оно должно было быть готовым добыть свободу действий путём планомерного отхода. Территория завоёванных восточных областей давала достаточно простора для этого. (Это была, в конце концов, та же проблема, перед которой немецкое командование стояло в первой мировой войне после приостановки наступления в 1918 г. - проблема, решить которую оно и тогда не отважилось.) Однако выяснилось, что Гитлер не намерен был создавать ни первой, ни второй предпосылки.

Группа армий “Юг” неоднократно самым энергичным способом настаивала перед Гитлером на мысли о том, чтобы сделать направлением главного удара Восточный фронт, а на нем - южный фланг. Теоретически он соглашался с этим. Практически же он никогда не мог своевременно и в достаточной мере проникнуться этим планом, может быть, еще и потому, что начальник Генерального Штаба сухопутной армии и начальник штаба оперативного руководства представляли в этом вопросе всегда различные интересы.

Но Главное командование не соглашалось с точкой зрения группы “Юг” даже в отношении направления главного удара на южном фланге Восточного фронта. Хотя в течение всего 1944 г. Было совершенно ясно, что противник искал решения войны на южном фланге, все же группы “Север” и “Центр” были лучше укомплектованы, чем группа “Юг”, если сравнить соотношение их сил с протяжённостью удерживаемого ими фронта, а также с численностью противостоявшего им противника, за исключением количества танков. Это объясняется упоминавшимся мною отрицательным отношением Гитлера к тому, чтобы отдавать что-нибудь добровольно или идти на риск на второстепенном направлении, а также и тем, что он не хотел заблаговременно принимать во внимание предполагаемые действия противника. Он выбрал дорогостоящий метод - либо давать очень мало сил туда, где должен был решиться исход операции, либо давать их очень поздно.

Но менее всего Гитлер был готов создать возможность для большого оперативного успеха в духе плана группы “Юг” путём отказа - хотя и временного - от Донбасса. На совещании в штабе группы в марте в городе Запорожье он заявил, что совершенно невозможно отдать противнику Донбасс даже временно. Если бы мы потеряли этот район, то нам нельзя было бы обеспечить сырьём свою военную промышленность. Для противника же потеря Донбасса в своё время означала сокращение производства стали на 25 %. Что же касается никопольского марганца,

то его значение для нас вообще нельзя выразить словами. Потеря Никополя (на Днепре, юго-западнее Запорожья) означала бы конец войны. Далее, как Никополь, так и Донбасс не могут обойтись без электростанции в Запорожье.

Эта точка зрения, правильность которой мы не могли детально проверить, имела решающее значение для Гитлера в период всей кампании 1944 г. Это привело к тому, что наша группа никогда не имела необходимой свободы при проведении своих операций, которая позволила бы ей нанести превосходящему противнику действительно эффективный удар или собрать достаточные силы на важном для нее северном фланге.

Гитлер не соглашался с мыслью о том, что от добровольного отхода можно с таким же успехом, а часто, может быть, даже с большим, чем при наступательных операциях, перейти к решающим ударам по противнику. Он не соглашался с этой мыслью потому, что считал потерю территории в сравнении с неясным шансом на победу слишком большим риском. В этом отношении ему не доставало смелости или веры в своё искусство вождения войск, а также в искусство своих генералов.

УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

План ответного удара, как его намечала наша группа армий, отпал, следовательно, ввиду того значения, которое придавалось Донбассу. Как и в других случаях, идея подобного проведения операций не нравилась Гитлеру по указанным мною причинам. Правда, надо было с ним согласиться в том, что весной 1944 г. отнюдь не было ясно, окажет ли противник нам услугу - начнёт ли он своё наступление. Если даже западные державы и требовали бы советского наступления, то Сталин, вероятно, мог бы все равно ждать.

В таком случае неизбежно на первый план выдвигалась идея использования слабости противника, обусловленной поражениями, которые он потерпел в конце зимней кампании, и нанесения ему удара, прежде чем он полностью восстановит свою боевую готовность, в первую очередь своих сильно потрёпанных танковых частей. Речь шла бы тогда об упреждающем ударе, хотя и в рамках стратегической обороны.

Так как распутица препятствовала всяким операциям, то различные планы организации удара из района юго-восточнее Харькова с целью прорыва фронта противника на среднем течении Донца, основанные на использовании слабости противника, оказались невыполнимыми.

Так, в конце концов, был разработан план “Цитадель”.

В то время как в конце зимней кампании в результате побед в районе между Донцом и Днепром, а также у Харькова был восстановлен фронт от Таганрога вдоль Миуса и Донца до Белгорода, в районе севернее Белгорода на стыке между группой “Юг” и группой “Центр” осталась занятая войсками противника дуга, выдающаяся далеко на запад. Она охватывала район Курска, простираясь от Белгорода через Сумы и Рыльск до района северо-восточнее Орла. Эта врезающаяся в наш фронт

дуга была для нас не просто неудобным обстоятельством. Она удлиняла наш фронт почти на 500 км и требовала для ее удержания на севере, западе и юге значительных сил. Она перерезала железные дороги, которые вели из района группы “Центр” в Харьков и были для нас важными коммуникациями за линией фронта. Наконец, эта дуга могла служить противнику исходным пунктом для наступления, как на северном фланге группы “Юг”, так и на южном фланге группы “Центр”. Особую опасность она представляла на случай, если было бы решено нанести контрудар из района Харькова против советских сил, наступающих на участке группы “Юг”.

Командование групп армий “Юг” поэтому намеревалось ликвидировать эту дугу сразу же после битвы за Харьков, еще до начала периода распутицы в этой местности, используя тогдашнюю слабость противника. От этого плана мы должны были отказаться, так как группа “Центр” не в состоянии была взаимодействовать с нами. Как бы ни был слаб противник после своего поражения у Харькова, все же одних сил группы “Юг” было недостаточно, чтобы ликвидировать эту широкую дугу.

Поэтому теперь эта дуга стала целью первого упреждающего удара. Выше я уже говорил об оперативном значении Курской дуги. При одновременном наступлении с юга и с севера можно было отрезать в ней сравнительно большие силы противника и высвободить потом значительные немецкие силы.

Но эта цель - во всяком случае, так полагало командование группы “Юг” - была отнюдь не единственной целью планируемой операции. Напротив, было ясно, что противник, чтобы удержаться на этом важном для него с оперативной точки зрения участке, вскоре бросит в бой свои оперативные резервы, стоявшие перед северным флангом группы “Юг” и южным флангом группы “Центр”. Если бы мы провели этот удар заблаговременно, то есть сразу после окончания периода распутицы, то существовала бы надежда на то, что противник будет вынужден бросить в бой танковые и механизированные корпуса своей армии, не закончив еще их пополнения. Это дало бы нам возможность рассчитывать на то, что мы успеем раньше закончить пополнение наших соединений, и это увеличило бы наши шансы. Если бы удалось разгромить в этом бою неприятельские танковые резервы, то мы смогли бы предпринять новый удар или против Донецкого фронта противника, или на другом участке. Это было, в конце концов, настолько же существенной целью операции «Цитадель», как и столь необходимая для нас ликвидация Курской дуги.

ПЛАН ОПЕРАЦИИ “ЦИТАДЕЛЬ”

Операция “Цитадель” планировалась, следовательно, с целью застигнуть противника еще в стадии его слабости.

Согласно указаниям ОКХ, войска противника на дуге вокруг Курска должны были быть отрезаны наступлением группы “Центр” (с севера) и группы “Юг” (с юга), которые должны были взять в клещи эту дугу у ее основания и уничтожить

находившиеся там силы противника. Для обеих групп это наступление представляло значительный риск.

Наступление группы “Центр” должно было начаться с южного фронта Орловской дуги. Участок дуги у Курска сильно вклинивался на запад в наш фронт, а севернее его орловский участок дуги, удерживаемый группой “Центр”, вдавался далеко на восток во вражеский фронт. Эта дуга в соответствии с замыслом операции “Цитадель” давала противнику возможность начать наступление с охватом, а в случае его успеха также и угрожать тылу действующих в операции “Цитадель” войск группы “Центр”.

На участке группы армий “Юг” опасность заключалась в том, что надо было, во что бы то ни стало удерживать Донбасс, который своим выгодным расположением давал противнику возможность провести наступление превосходящими силами с двух направлений.

Несмотря на связанные с этим сомнения, обе группы сделали все, чтобы обеспечить успех операции “Цитадель” возможно более высоким сосредоточением сил. Однако не подлежало сомнению, что риск в операциях этих групп будет тем большим, чем больше дадут противнику времени, чтобы вновь восстановить свои потрепанные силы.

Группа “Центр” выделила для своего наступления с севера 9 армию под командованием генерал-полковника Моделя.

Она располагала для прорыва в направлении на Курск тремя танковыми корпусами с шестью танковыми, двумя моторизованными и семью пехотными дивизиями.

Эти 3 корпуса должны были начать наступление с южного участка Орловской дуги и прорвать фронт противника на участке в 50 км, причём оба фланговых корпуса должны были наступательными действиями прикрыть ударный клин с флангов. Фронт прорыва должен был быть по возможности расширен наступлением обоих примыкающих с востока и запада пехотных корпусов армии. Они же должны были обеспечить глубокие фланги группы прорыва. Наступление 9 армии должно было быть поддержано 1 авиадивизией.

От 2 армии, замыкавшей Курскую дугу с запада и располагавшей на фронте в 200 км 9 слабыми пехотными дивизиями, вряд ли можно было ожидать чего-либо большего, чем попыток сковать стоявшего перед ее фронтом противника, чтобы облегчить его окружение наступающими группами.

Группа “Юг” была в состоянии выделить для операции “Цитадель” большие силы, а именно, две армии, в составе которых было 5 корпусов с 11 танковыми и 7 пехотными дивизиями.

По мнению командования группы, решающим фактором для использования этих армий было то обстоятельство, что противник вскоре после начала операции бросит в бой свои сильные оперативные резервы, стоявшие восточнее и северо-

восточнее Харькова. По меньшей мере, столь же важной, как удар на Курск с целью отсечения находившихся там вражеских сил, была задача обеспечить с востока этот удар от подходящих вражеских танковых и механизированных соединений, нанося встречные удары. Разгром этих сил был также важной целью операции “Цитадель”.

Армейская группа Кемпфа имела задачу удерживать одним пехотным корпусом полосу обороны на Донце от пункта юго-восточнее Харькова до района Волчанска. Ее танковый и пехотный корпуса (всего 3 танковые и 3 пехотные дивизии) должны были активными действиями обеспечить операции по прорыву у Курска на восток или северо-восток. Для выполнения этой задачи эта группа должна была начать наступление с Донецкого фронта на участке Волчанок - Белгород с целью овладения силами пехотного корпуса рубежа, обращённого фронтом на восток вдоль Корочи, а ее танковый корпус должен был продвигаться на северо-восток в общем направлении на Скородное. Другой танковый корпус в составе двух танковых дивизий, бывший сначала в резерве группы армий, должен был быть переподчинён группе Кемпфа, после того как она овладеет достаточным районом и обеспечит себе свободу действий в северо-восточном направлении. Совместно с упомянутым выше танковым корпусом в бою на открытой местности они должны были разгромить подходящие танковые соединения противника.

4 танковая армия под командованием генерал-полковника Гота должна была осуществить прорыв на Курск - навстречу 9 армии - и затем уничтожить силы противника, отрезанные западнее Курска. Она располагала для этого двумя танковыми корпусами (в том числе один танковый корпус СС), насчитывавшими 6 танковых дивизий и одну пехотную дивизию, кроме того, еще один пехотный корпус должен был присоединиться к наступлению танковой группировки на западном фланге. Если бы нам удалось прорваться к Курску и быстро уничтожить отрезанные там части, то в разгроме подходящих оперативных резервов противника приняли бы участие и танковые соединения 4 танковой армии.

Понятно, что вся артиллерия РГК, которую группа получила от ОКХ и которую она имела на своём участке, была отдана обеим армиям. Несмотря на это, артиллерия сопровождения наступления была слишком слаба для обеспечения прорыва системы обороны противника.

Другой нашей слабостью было то, что прорыв вражеских позиций должны были осуществлять в первую очередь танковые дивизии, так как ОКХ не дало для этой цели дополнительно пехотных дивизий.

Наступление обеих армий должен был поддерживать 4 воздушный флот, с которым наша группа уже давно успешно взаимодействовала. К сожалению, его командующий фельдмаршал Рихтгофен незадолго до этого наступления был переведён в Италию. Силы, которыми располагал этот флот для поддержки наступления, состояли из трёх авиагрупп пикирующих бомбардировщиков, трёх групп штурмовиков и трёх-четырёх групп бомбардировщиков.

Командование группы армий вынуждено было крайне ослабить остальные участки своего фронта обороны, чтобы выделить для наступления указанные силы. Для обороны остались только 6 армия (командующий - генерал Голлидт) на рубеже Миуса, 1 танковая армия (командующий - генерал-полковник фон Макензен) и уже упоминавшийся корпус на правом фланге группы Кемпфа на Донце. Все это составляло 21 дивизию, которые должны были удерживать фронт от Таганрога до Волчанска протяжённостью 630 км. В качестве резерва на этом широком фронте мы имели только одну танковую, одну моторизованную и одну пехотную дивизии.

Командование группы армий, однако, полагало, что если уж мы предприняли упреждающий удар, то надо было сделать все для достижения полного и быстрого успеха операции “Цитадель”. Если бы нам удался этот удар, если бы были уничтожены отрезанные в Курской дуге войска противника и, кроме того, в этом сражении была бы разгромлена значительная часть его оперативных резервов, то тем самым был бы сделан первый шаг для достижения столь желанного ничейного исхода войны. Победа у Курска дала бы группе армий возможность покончить с возникшим на ее участке фронта кризисом. Наконец, оставалась еще возможность в случае необходимости отойти из Донбасса на нижний Днепр, чтобы затем - после победы у Курска - поставить себе целью осуществление оперативного замысла, основанного на предложении группы армий об ответном ударе. Можно было, правда, предполагать, что такие действия вряд ли встретят одобрение Гитлера. Но, во всяком случае, победа вновь возвратила бы ему и Донбасс.

Начало операции “Цитадель” было назначено на самый ранний срок. Командование группы предложило ОКХ в качестве этого срока начало мая, полагая, что к этому времени закончится период распутицы. Фактически операция “Цитадель” могла начаться около середины мая.

РОКОВОЕ ПРОМЕДЛЕНИЕ

После окончания зимних боев в связи с началом распутицы я вынужден был взять отпуск, чтобы сделать операцию глаз. Врачи надеялись приостановить этой операцией начавшуюся у меня, хотя и не объяснявшуюся еще моим возрастом, катаракту. На фронте меня замещал сначала генерал-полковник Модель, затем фельдмаршал барон фон Вейхс, но по всем главным вопросам я поддерживал связь с командованием группы и начальником Генерального Штаба сухопутной армии. 18 апреля я направил ему предназначенное для Гитлера письмо, в котором я еще раз выражал ту точку зрения, что теперь надо бросить все силы для успеха операции “Цитадель”, что победа под Курском возместит нам все временные поражения на других участках фронта группы. Далее, я подчеркивал, что чем раньше мы начнем операцию “Цитадель”, тем меньше будет опасность большого контрнаступления противника на Донбасс.

4 мая я хотел возвратиться в мой штаб, так как в середине мая надо было ожидать начала операции “Цитадель” - самое позднее, в начале третьей декады

месяца. 3 мая мой начальник штаба генерал Буссе прибыл в Лигниц (Легница) с сообщением, что 4 мая нас вызывают в Мюнхен на совещание с Гитлером. На это совещание были вызваны также командующий группой армий “Центр” фельдмаршал фон Клюге, генерал-полковник Гудериан (тогда главный инспектор танковых войск) и начальник Генерального Штаба военно-воздушных сил генерал-полковник Ешоннек. На этом совещании выяснилось следующее.

Генерал-полковник Модель, который должен был руководить операцией “Цитадель” на северном фланге, представил Гитлеру доклад об обстановке на своём участке фронта и о своих планах в связи с этим.

Модель пользовался особым доверием Гитлера, после того как он отличился своей особенной энергией и стойкостью в кампаниях 1941 и 1942гг. Сначала в качестве командира танкового корпуса, а затем командующего 9 армией во время тяжёлых оборонительных боев группы “Центр”.

Я хорошо знал Моделя со времени, когда он служил у меня в 8 Управлении Генерального Штаба; он ведал наблюдением за развитием техники и оценкой его с точки зрения требований, предъявляемых к ней Генеральным Штабом. Он был очень полезен на этой должности, действуя подобно щуке в пруду с карасями из отделов министерства. Позже он был начальником штаба 16 армии в группе армий “А”, где я в свою очередь был начальником штаба, и участвовал в подготовке западной кампании.

Модель был, несомненно, очень способным штабным офицером. Он обладал ясным умом и способностью быстро оценивать обстановку. Среднего роста, скорее нежного, чем сильного телосложения, с густыми черными волосами и живыми глазами, взгляд которых иногда становился пронизывающим, он производил впечатление молодого и бодрого человека, упорного и усидчивого в работе. Его особым качеством была необычайная энергия, иногда даже граничившая с неосмотрительностью. Это качество сочеталось у него с уверенностью и способностью твёрдо выражать своё мнение. По своему характеру он был оптимистом, не признававшим трудностей. Эти качества, его огромная энергия и, наконец, его стремление добиться хороших личных отношений с главными деятелями режима (он попросил у Гимmlера себе адъютанта из СС, что вызвало резкую критику со стороны офицерского корпуса) импонировали Гитлеру. Нельзя отрицать также и того, что в таком его поведении определённую роль играло тщеславие. Но можно предполагать и то, что он был предан Гитлеру и идеям национал-социализма по убеждению. По отношению к режиму он был настроен менее критично, чем подавляющее число высших военных руководителей. Но Моделя нельзя все же причислить к тем немногим солдатам, которые во всем были послушны Гитлеру. Свои взгляды по военным вопросам он твёрдо отстаивал и перед Гитлером. Во всяком случае, Модель был храбрым солдатом, не щадившим своей жизни и требовавшим этого от своих подчинённых, хотя и нередко в грубой форме.

Его часто можно было видеть на критических участках его фронта. Таким образом, Модель был солдатом в духе Гитлера.

Моделю не удалось пожинать лавры победы в качестве руководителя какой-либо смелой операции. Он во все большей степени стал играть роль человека, которого Гитлер ставил на угрожаемом или на пошатнувшемся участке фронта, чтобы восстановить положение, и Модель добивался многого при выполнении этих задач. Гитлер, очевидно, думал, что Модель был командующим, который “не размышлял над операциями, но твёрдо стоял”. Когда Модель увидел, что битва в курском котле проиграна, он покончил с собой. Он это сделал не для того, чтобы - как это делали многие деятели партии - избежать ответственности, а потому, что он не мог пережить уничтожения своей группы армий.

Генерал-полковник Модель в своём докладе Гитлеру ясно указал на трудности, с которыми столкнётся наступление в связи с необходимостью преодолеть сильно укреплённую систему обороны противника. В его аргументах большую роль играли донесения о чрезвычайном усилении противотанковой обороны противника, особенно вследствие введения новых противотанковых ружей, против которых наши танки Т-IV не могли устоять. Для порученной ему операции по прорыву он с самого начала потребовал поэтому 6 дней.

Доклад Моделя явно произвел сильное впечатление на Гитлера. Он стал опасаться, что наше наступление не будет проведено быстро или, по крайней мере, так быстро, чтобы успешно осуществить окружение крупных сил противника. После этого доклада он признал необходимым усилить наши танковые части. Он пообещал к 10 июня перебросить к нам значительное количество танков типа “тигр” и “пантера”, штурмовых орудий, а также батальон сверхтяжёлых танков типа “фердинанд” (системы Порше, оказавшейся потом непригодной). Кроме того, танки Т-IV и штурмовые орудия должны были получить дополнительные экраны для усиления броневой защиты, чтобы они могли противостоять новым советским ПТР. В целом Гитлер предполагал приблизительно удвоить численность наших танков.

Сначала он хотел, однако, выслушать мнение обоих командующих относительно отсрочки операции “Цитадель”. Оба высказались против неё, это мнение разделял и начальник Генерального Штаба генерал Цейтцлер.

Фельдмаршал фон Клюге, который явно чувствовал себя обойдённым при этом непосредственном докладе Моделя, заявил в свойственной ему резкой форме, что данные Моделя о том, что глубина позиций противника достигает 20 км, преувеличены. На аэрофотоснимках, по его мнению, были зафиксированы только уже развалившиеся от прежних боев окопы. Затем фельдмаршал указал на то, что при дальнейшей отсрочке мы упустим инициативу. Это может привести к тому, что мы будем вынуждены снять части с фронта “Цитадель”. Здесь он имел, вероятно, в виду в первую очередь опасное положение на Орловской дуге.

Я также высказался против предложенной Гитлером отсрочки по двум причинам. То пополнение танками, которое мы получим, будет, видимо, более чем компенсировано увеличением танков на советской стороне. Ежемесячный выпуск танков составлял у противника не менее 1500 единиц. Кроме того, дальнейшее ожидание приведёт к тому, что советские части после потерь в зимнюю кампанию и после недавних поражений, сильно повлиявших на моральный дух и боевые качества вражеских соединений, вновь обретут свою ударную силу. Наконец, укрепление вражеских позиций будет продолжаться с все большей интенсивностью.

Против отсрочки операции “Цитадель” говорил также и тот факт, что это значительно увеличило бы опасность в полосе обороны группы. Сейчас противник еще не готов к наступлению на Донце и Миусе. Но в июне он сможет это сделать.

Особо я указал на то, что решение всего вопроса определяется в значительной мере общей обстановкой.

В случае отсрочки операции “Цитадель” и возможной скорой потери Туниса создастся опасность того, что начало операции “Цитадель” совпадёт с высадкой противника на континенте, и мы будем вынуждены тогда сражаться на два фронта.

Как бы ни было заманчиво дальнейшее усиление наших танковых частей, все же, по моему мнению, надо было придерживаться назначенного срока. В случае отсрочки группе потребуется наряду с увеличением танков и увеличение количества пехотных дивизий для преодоления системы обороны противника.

Я закончил своё высказывание тем, что “Цитадель” не будет лёгким предприятием, что нужно, однако, сохранить намеченный срок начала операции и, подобно всаднику, первому “перенести своё сердце через препятствие”. Это сравнение, как мне вскоре стало ясно, Гитлер, не ценивший ни лошадей, ни всадников, не мог одобрить.

Начальник Генерального Штаба ВВС присоединился к мнению обоих командующих, заявив, что с точки зрения авиации отсрочка операции “Цитадель” не даёт никаких выгод. В настоящее время нельзя ожидать существенного увеличения количества самолетов. Он подтвердил, что противник, судя по обстановке в воздухе, планирует решающее наступление на участке группы армий “Юг”.

Генерал-полковник Гудериан предложил сосредоточить все силы танков на одном направлении - или на участке группы “Юг”, или на участке группы “Центр”.

Гитлер повторил затем еще раз свои аргументы в пользу отсрочки до 10 июня. Относительно увеличения количества танков у обеих сторон он сказал, что численное превосходство русских в танках мы возместим техническим превосходством поступающих дополнительно “тигров”, “пантер” и “фердинандов”. Дивизий, однако, он больше дать не может.

Относительно опасности, связанной с тем, что в случае отсрочки операции “Цитадель” она может совпасть с вторжением противника на континент, он заметил,

что в связи с прибытием в Средиземное море судов с зенитными установками и лёгких переправочных средств мы сможем поддерживать снабжение Туниса и поэтому там удержимся. Даже при потере Туниса противнику потребуется 6-8 недель для подготовки высадки. Поэтому в середине июня этого не произойдёт.

В заключение Гитлер заявил, что он намерен еще раз обдумать вопрос о проведении операции “Цитадель” в срок или об отсрочке ее, и отпустил нас в свои штабы.

В то время как мы ждали там пароля для начала развёртывания и выдвижения в исходные районы, которые в связи с проводимой подготовкой войск и по причинам маскировки были расположены рассредоточено в глубине тылового района группы, 11 мая пришёл приказ о том, что операция “Цитадель” откладывается до середины июня.

Двумя днями позже, 13 мая, последние части нашей африканской армии капитулировали на мысе Бон!

Следующие недели были заполнены подготовкой и пополнением частей, предназначенных для наступления, а также проверкой и усилением нашего фронта обороны на Донце и Миусе. Прибыли и обещанные Гитлером танки, но не в обещанное время. Таким образом, операция “Цитадель” все время откладывалась, пока не подошёл июль. Теперь уже прошло 6 недель с момента капитуляции нашей армии в Тунисе!

В большом масштабе мы проводили ложные манёвры, чтобы замаскировать цели нашей операции. С началом подготовки к операции “Цитадель” подобные мероприятия должны были вылиться в большие передвижения всех не занятых в начале наступления автотранспортных частей в направлении на Донбасс, где уже проводились ложные приготовления к наступлению. Мы изготовили даже макеты танков, которые мы транспортировали в Донбасс для введения в заблуждение вражеской воздушной разведки.

В период этого ожидания, но и одновременно возрастающего напряжения продолжался оживлённый обмен мнениями между командованием группы и ОКХ по вопросам дальнейшего изменения обстановки и о том, нужна ли вообще операция “Цитадель” ввиду такого оттягивания срока ее начала.

Переброска оперативных резервов противника ближе к фронту показывала, что их пополнение, видимо, уже было закончено. Если противник все еще находился в обороне, то все же было ясно, что он готовил наступление на фронте Донца и Миуса и - может быть, позже - на участке по обе стороны Харькова. То же самое наблюдалось и перед фронтом группы “Центр”, где готовилось наступление противника на Орловской дуге. И на других участках Восточного фронта можно было отметить признаки готовящегося наступления. Начнёт ли противник вскоре наступление сам или будет ждать открытия второго фронта, или он перейдёт в контрнаступление после наступления немцев, - все это оставалось еще неясным.

Командование группы при обсуждении этого вопроса с ОКХ все время указывало на следующее:

1. Любая дальнейшая оттяжка осложнит наше наступление.
2. Одновременно увеличится риск на участке обороны нашей группы, особенно на “донецком балконе”, так как находящиеся там наши силы не могут долго выдержать наступления крупных сил противника.
3. Несмотря на этот риск, при проведении операции “Цитадель” все, как и до этого, зависело от того, бросим ли мы все силы для достижения быстрого и решительного успеха этой операции, для чего придётся, может быть, пережить кризисное положение в Донбассе, не исключая и возможности отхода.

Мы вновь подчёркивали, что противник будет добиваться в этом году решающей победы над группой “Юг” и что группа должна быть ввиду этого сильной на своём северном фланге, а на других участках сохранять свободу действий в духе тех предложений, которые мы сделали в феврале - марте относительно тактики манёвренного ведения операций и ответных ударов.

На запрос начальника Генерального Штаба о том, как командование группы вообще теперь относится к проведению операции “Цитадель”, я ответил, что “Цитадель” в любом случае будет трудной операцией, которая в случае успеха даст возможность нанести и другие удары, но не высвободит в ближайшее время силы (для других театров военных действий). На вопрос, целесообразно ли теперь проводить операцию “Цитадель”, можно было ответить только с точки зрения общего руководства военными действиями. Операция была целесообразна, если бы на ближайшее время, то есть до осени, мы отказались от снятия каких-либо сил с Восточного фронта. Если считать, что западные державы не начнут до осени большие операции по высадке морского десанта, то “Цитадель” возможна; равным образом она будет возможна, если допустить, что западные державы где-либо высадятся и потом будут разбиты - однако только в том случае, если их вынудят оставить свой плацдарм.

При этом обсуждении командование группы установило, что существует единство мнений с начальником Генерального Штаба и оперативным управлением ОКХ. Однако не удалось добиться ясной позиции Гитлера по этим важным оперативным вопросам. В письме, которое я направил в те дни начальнику Генерального Штаба, было следующее примечательное место:

“Так как телефонный разговор по всем этим важным вопросам между группой и ОКХ невозможен в связи с большим расстоянием, я считаю необходимым или установить более тесную личную связь или в связи с отдалённостью Главного командования дать соответствующую оперативную свободу действий на востоке. Нетерпимо такое положение, когда командующие группами армий информируются об общей обстановке только военными бюллетенями, нетерпимо, далее, и отсутствие какого бы то ни было общения между начальниками высших военных инстанций”.

Если рассматривать сейчас тогдашнее положение, то можно сказать, что командующие группами армий в связи с постоянной отсрочкой начала операции “Цитадель” должны были заявить ОКХ, что это наступление потеряло свой смысл и не должно было проводиться. Ведь операция планировалась с расчётом нанесения удара по противнику как можно раньше, - в то время, когда противник находился еще в состоянии слабости. Постепенно эти шансы все время уменьшались.

Что касается меня, то я полагал (что было, видимо, ошибкой), что операция должна быть проведена по следующим причинам.

Во-первых, отказ от операции “Цитадель” обусловил бы дальнейшее выжидание на востоке, связанное с опасностями в связи с ожидаемым открытием второго фронта. Тогда казалось, что Советы действительно не хотели спешить с началом своего наступления.

Во-вторых, командование группы “Юг” во всяком случае, было убеждено в том, что наше наступление будет хотя и трудным, но успешным. Мы сомневались скорее в вопросе, сумеем ли мы отразить наступление противника в Донбассе. Но мы были убеждены, что после победы у Курска мы сможем покончить с кризисом и в Донбассе, и, может быть, добьемся здесь большой победы. То, что наше мнение относительно возможного успеха нашего наступления “Цитадель” не было уж настолько неверным, как это может показаться сейчас, доказывается ходом операции и причинами, приведшими к ее срыву. Об этом мы еще будем говорить.

Несколько иными были условия для группы “Центр”. Здесь успех противника в районе Орловской дуги сразу сказался бы на “Цитадели”. Здесь нельзя было провести отхода, как это, в конце концов, было возможно в Донбассе, так как Орловская дуга была исходным районом наступления 9 армии. Если, таким образом, командование группы “Центр” не могло уверенно рассчитывать на успешное отражение ожидаемого наступления противника на Орловской дуге с целью отвлечения наших сил, то оно должно было отклонить проведение операции “Цитадель”, которое откладывалось до июля. Поскольку, по нашим сведениям, этого не произошло, то командование предполагало, что при всех обстоятельствах Орловская дуга будет удержана.

Все еще ожидая решения, будет ли проводиться операция “Цитадель” или нет, в годовщину взятия Севастополя я должен был вылететь в Бухарест, чтобы вручить маршалу Антонеску золотой знак за крымскую кампанию. В последний момент полет отложили, так как Гитлер приказал всем командующим объединениями и командирам корпусов сухопутной армии и воздушного флота, принимающим участие в операции “Цитадель”, прибыть 1 июля в его ставку в Восточной Пруссии.

На этом совещании, где выступил с докладом только Гитлер, он сообщил своё окончательное решение начать операцию “Цитадель”. Наступление должно было начаться 5 июля.

В своём докладе Гитлер сначала подробно обосновал отсрочку операции. По его словам, это было необходимо ввиду производившегося тогда пополнения частей личным составом и техникой и усиления участвующих в этой операции соединений. Теперь эти части полностью укомплектованы личным составом. Что же касается вооружения, то мы впервые превосходим русских по количеству танков.

Новым, но не убедительным в сравнении с его прежними аргументами было утверждение о том, что отсрочка была необходима также не в последнюю очередь и потому, что при раннем начале операции призывы Советов о помощи могли бы привести через короткий срок к высадке западных держав в районе Средиземного моря. Мы ничего тогда не могли бы противопоставить этому. Мы не могли полагаться на сопротивление итальянцев. Противник нашёл бы на Балканах поддержку народов. Теперь эта критическая фаза в основном преодолена. В Сардинии, Сицилии, Пелопоннесе и на Крите мы имеем теперь достаточно сил.

Следует вспомнить, что 4 мая Гитлер на моё указание относительно опасности высадки противника заявил, что мы сможем удержаться в Тунисе и что, если даже этого не произойдёт, западным державам потребуется 6-8 недель для начала осуществления высадки. Тогда, следовательно, Гитлер не считался с возможностью быстрого выступления западных противников по просьбе Советов.

Из того, что теперь сказал Гитлер, однако, вытекало, что он, стремясь везде идти наверняка, ценой потери африканской армии укрепил наши силы в районе Средиземного моря. Он, следовательно, не видел необходимости сделать все для достижения успеха операции “Цитадель”. Такую позицию он занял и во время проведения операции.

Своё решение начать операцию “Цитадель” он обосновывал правильно тем, что мы не можем больше ждать, пока противник начнёт своё наступление, возможно, лишь зимой или после открытия второго фронта. Быстрый и полный успех наступления желателен также в связи с тем влиянием, какое он окажет на наших союзников и на нашу родину.

После того как Гитлер объявил перед всеми высшими командирами свое решение начать теперь наступление и обосновал необходимость его с точки зрения Главного командования, не было уже, естественно, никакой возможности изменить это решение, не говоря уже о том, что мы уже действительно не могли больше ждать на востоке.

Моя попытка добиться в интересах операции “Цитадель” возвращения фельдмаршала Рихтгофена к командованию 2 воздушным флотом осталась безрезультатной и привела лишь к острому столкновению с Герингом. Последний не хотел соглашаться с тем, насколько важна была личность Рихтгофена в качестве командира авиационных соединений.

Следует упомянуть некоторые высказывания Гитлера, содержащиеся в его докладе, поскольку они очень поучительны хотя и не для создавшейся в то время обстановки, а скорее для образа мышления Гитлера.

Он утверждал, что для правильной оценки тогдашней обстановки необходимо вспомнить, что положение в 1936г. (оккупация Рейнской области), в 1938 г. (Австрия), в 1939 и 1940гг. было намного опаснее. Теперь дело заключалось в том, чтобы защитить Европу на ее границах, следовательно, также итальянские острова и Балканы. Невозможно отдать ни эти районы, ни Донбасс.

Вообще же он вполне уверен в успехе операции. Американские газеты определяли потери Советского Союза, включая и потери гражданского населения от голода, в 30 млн. человек. Потери в людях, годных к военной службе, составляли, по его мнению, от 12 до 14 млн. Человек. Ввиду таких потерь и трудностей с продовольствием противник должен дрогнуть или, как Китай, впасть в агонию.

Если эти аргументы и могли укрепить уверенность многочисленных слушателей, то следующее его заявление было, очевидно, одобрено только немногими. Гитлер заявил, что теперь нельзя давать обещания отдельным народам Советского Союза ввиду плохого воздействия этого на наших солдат. Наши солдаты должны знать, за что они борются, а именно - за жизненное пространство для своих детей и внуков. В первую мировую войну мы ошибались, не поставив себе никакой цели.

В заключение своего доклада Гитлер говорил, что он уже лично мне сказал однажды, что решение Италии от 24 августа 1939 г. о нейтралитете раньше было направлено в Лондон, чем в Берлин. Лишь это решение дало возможность британскому правительству побудить Францию вступить в войну.

Развёртывание сил для операции “Цитадель” и последние большие мероприятия для введения в заблуждение противника на нашем участке теперь начались. 3 июля я лично передал в Бухаресте знак за крымскую кампанию. Этот акт должен был помочь замаскировать моим посещением Бухареста непосредственно предстоящее начало наступления. Вечером 3 июля я вновь уже был в моем штабе.

НАСТУПЛЕНИЕ

Штаб группы придвинулся 4 июля со своей оперативной группой близко к линии фронта, чтобы непосредственно руководить операциями обеих армий. В качестве КП нам служил наш штабной поезд, поставленный на запасный путь в лесу. Он состоял из двух жилых вагонов и двух рабочих вагонов для меня и моего начальника штаба, рабочего и спального вагонов, а также вагона-столовой для оперативного отдела и для основной части разведывательного отдела, а также и для другого персонала, присутствие которого было необходимо. В этот же состав входили телефонный и радиовагон, вагон для караульной команды и для зенитного расчёта 20-мм орудий. Использование такого штабного поезда вполне себя оправдало. Все

помощники и технические средства, необходимые для руководства, были под рукой, и все это создавало удобные условия для работы, для размещения людей и давало возможность быстрой смены места. Располагаясь за линией фронта, где проводилась важная операция, можно было легко попасть на машине или самолётом ко всем командирам и во все части. Не раз я ездил поездом на большие расстояния вдоль фронта, посещая за день штабы и части одного участка, а ночью вновь отправляясь на следующий участок.

5 июля началось наступление на фронтах обеих армий, после того как накануне вечером 4-я танковая армия частной атакой овладела наблюдательными пунктами, необходимыми для руководства наступлением.

В этой связи возможно и необходимо несколькими словами описать ход операции “Цитадель”. Поучительно для всех интересующихся военными вопросами проследить постоянно изменяющуюся обстановку и вытекающие из этого задачи по руководству боевыми действиями и принятие для этого необходимых решений, по крайней мере, на участке фронта группы армий “Юг”. Ибо сражение здесь только в первые дни было прорывом, протекавшим по заранее намеченному плану. Как только наши наступающие части получили свободу манёвра по ту сторону линии обороны противника, для командования группы и для штабов армий возникала все время новая обстановка, требовавшая новых решений, хотя и в рамках строго сформулированной главной идеи операции.

На участке группы “Центр” 9-я армии удалось в первые два дня наступления глубоко вклиниться в оборону противника (до 14 км) в полосе наступления центрального и левофлангового корпусов. Правофланговый корпус, напротив, продвинулся незначительно, соседние же корпуса, по существу, остались на месте.

Уже на второй день наступления противник усилил контратаки против фронта и флангов ударного клина армии. Противник стал вводить в бой оперативные резервы, которые стояли у него в северо-западной части Курской дуги и перед юго-восточным участком Орловской дуги. Это было признаком того, что противник намерен был при всех обстоятельствах удержать Курскую дугу, и одновременно того, что в случае успеха операции “Цитадель” можно было окружить действительно крупные силы противника. Несмотря на эти контратаки, ударный клин 9-й армии продвигался вперёд, хотя и в полосе шириной всего лишь 10 км. Однако 9 июля наступление остановилось на линии обороны противника на холмистой местности в районе Ольховатки, в 18 км от исходных позиций 9-й армии. Командование армии предполагало, что после отражения вражеских контратак, перемещения главного направления своего удара и введения в бой резервов оно вновь возобновит наступление 12 июля, чтобы завершить прорыв. Но этого не произошло. 11 июля противник крупными силами перешел в наступление с востока и северо-востока против 2 танковой армии, удерживавшей Орловскую дугу. Развитие событий на этом участке заставило командование группы “Центр” приостановить

наступление 9-й армии, чтобы бросить ее крупные подвижные силы в бой на участке 2-й танковой армии.

И на участке фронта группы “Юг” первый прорыв вражеской обороны также оказался трудным делом. Особенно давало себя знать отсутствие пехотных дивизий для нанесения первого удара, а также относительная слабость артиллерии поддержки наступления.

Армейская группа Кемпфа не смогла на участке своего правого фланга корпуса (11 ак генерала Раусса) продвинуться до намеченного нового рубежа на реке Короча, а вышла только в район высот западнее рубежа реки Корень. Если намеченная цель на этом крайнем правом фланге наступательной операции и не была достигнута, то все-таки можно было быть довольным последующим успехом корпуса. Он оттянул на себя благодаря своему очень энергичному наступлению войска из состава оперативных резервов противника, располагавшихся восточнее Волчанска. В последующие дни он добился больших успехов в обороне, нанеся противнику значительные потери, в том числе и потери в танках. Наконец, группа могла быть довольной и обороной на реке Корень, так как в результате этого уменьшилась ширина собственного фронта наступления.

3-й тк должен был также вести тяжёлые бои. Первая атака через Донец по обе стороны от Белгорода удалась ему, однако она проводилась в очень трудных условиях. Потом корпус, видимо, остановился перед второй оборонительной полосой противника - приблизительно в 18 км впереди Донца. Ввиду понесённых войсками потерь командующий армейской группой запросил, не должно ли быть приостановлено наступление и здесь. На основе разговора с командиром 3-го тк генералом Брейтом и его командирами дивизий я все-таки решил продолжать наступление. Командование группы армий дало корпусу еще 198 пд, стоявшую в качестве резерва в тылу 1-й танковой армии на Донецком фронте, несмотря на то, что и там создавалось опасное положение. 11 июля корпусу удалось, наконец, прорвать последнюю вражескую линию обороны. Путь был свободен, и мы могли принять бой на незащищённой местности с подходящими подвижными соединениями резервов противника, находившихся восточнее Харькова.

Командование группы распорядилось, чтобы правый фланг 3-й тк продвигался дальше в направлении на Корочу, а левый взаимодействовал с 4-й танковой армией и разгромил 69-ю армию противника, вклинившуюся между нашими обеими наступающими армиями.

4-ая танковая армия в тяжёлых боях первых двух дней прорвала первую и вторую линии обороны противника. Действовавшему на левом фланге армии на открытой местности танковому корпусу (48 тк генерала фон Кнобельсдорфа) 7 июля удалось прорваться в район примерно в 11 км перед Обоянью. В последующие дни он должен был отражать сильные контратаки противника, проводившиеся с северо-востока, севера и запада, и разгромил в этих боях значительные силы наступающих

войск противника. На этом участке и на участке перед 2 тк СС со стороны противника действовали соединения из оперативного резерва, а именно три танковых и один механизированный корпус, брошенные в бой в составе 69-й и 1-й танковой армий. Другие механизированные корпуса противник подбрасывал из района восточнее Харькова.

Правому танковому корпусу армии (2 тк СС обер-группенфюрера Гаузера) также удалось выйти на оперативный простор. 11 июля он атаковал Прохоровку и затем дальше на западе форсировал Псёл.

12 июля противник бросил в бой в центре и на флангах фронта наступления группы новые части из своих оперативных резервов.

12 и 13 июля обе армии отразили все эти атаки. 14 июля корпус СС, развивая успех, достиг Прохоровки, 48 тк подошёл к долине Псёла западнее Обояни. В этих боях были частично разгромлены, частично сильно потрепаны другие значительные силы из оперативных резервов противника.

В общем противник бросил в бой против группы 10 новых танковых и механизированных корпусов. В основном это были ближние резервы, подготовленные противником перед нашим фронтом, за исключением групп, расположенных перед фронтами на Донце и Миусе, где противник только как будто подготавливал наступление.

К 13 июля противник потерял на фронте “Цитадель” уже 24000 пленными, 1800 танков, 267 орудий и 1080 противотанковых орудий.

Сражение достигло своей высшей точки! Скоро должно было решиться - победа или поражение. 12 июля командованию группы, правда, стало известно, что 9-ая армия вынуждена была приостановить наступление и что противник перешел в наступление против 2-й танковой армии. Но командование нашей группы твёрдо решило не приостанавливать преждевременно сражения, может быть, перед окончательной победой. У нас еще был 24 тк с 17 тд и дивизией СС “Викинг”, которые мы могли бы бросить в бой как наш козырь.

Из-за этого корпуса командование группы боролось с Гитлером с самого начала наступления или, вернее, с начала его подготовки. Я напомним, что мы всегда держались той точки зрения, что если вообще проводить операцию “Цитадель”, то необходимо сделать все для достижения успеха этого предприятия, даже сильно рискуя в районе Донбасса. По этим соображениям, командование группы оставило, как я уже упоминал, на Миусском и Донецком фронтах в качестве резервов только две дивизии (23 тд и 16 мотд), предусмотрев использование 24 тк - сначала в качестве резерва группы - в операции “Цитадель”. Но для этого нам потребовалось несколько раз докладывать ОКХ, пока Гитлер, боявшийся всякого риска в Донбассе, дал согласие на то, чтобы расположить корпус за линией фронта “Цитадель”. Корпус, однако, постоянно находился в боевой готовности западнее Харькова, хотя и

в качестве резерва ОКХ, для чего он был выведен из непосредственного подчинения группы.

Такова была обстановка, когда фельдмаршал фон Клюге и я были вызваны 13 июля в ставку фюрера. Было бы правильнее, конечно, если бы Гитлер сам прибыл в обе группы, или - если он полагал, что общая ситуация не позволяла ему выехать из Ставки, - прислал бы к нам начальника Генерального Штаба. Но во время всей восточной кампании редко удавалось склонить Гитлера выехать на фронт. Своему начальнику Генерального Штаба он не разрешал делать этого.

Совещание 13 июля началось заявлением Гитлера о том, что положение на Сицилии, где западные державы высадились 10 июля, стало серьёзным. Итальянцы вообще не воевали. Вероятно, мы потеряем остров. Следующим шагом противника могла быть высадка на Балканах или в южной Италии. Необходимо сформировать новые армии в Италии и на западных Балканах. Восточный фронт должен отдать часть сил, и потому операция “Цитадель” не может дальше продолжаться. Создалось, следовательно, точно такое положение, о возможном возникновении которого я предупреждал в Мюнхене 4 мая, имея в виду отсрочку операции “Цитадель”.

Фельдмаршал фон Клюге доложил, что армия Моделя не может продвигаться дальше и потеряла уже 20000 человек. Кроме того, группа вынуждена отобрать все подвижные части у 9-й армии, чтобы ликвидировать глубокие прорывы, сделанные противником уже в трёх местах фронта 2-й танковой армии. Уже по этой причине наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено.

Напротив, я заявил, что - если говорить о группе “Юг” - сражение вошло в решающую стадию. После успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу! Если 9-ая армия будет хотя бы только сковывать противостоящие ей силы противника и, может быть, потом возобновит наступление, то мы попытаемся окончательно разбить силами наших армий действующие против нас и уже сильно потрёпанные части противника. Затем группа - как мы уже докладывали 12 июля ОКХ - вновь будет наступать на север, перейдёт Псел восточнее Обояни двумя танковыми корпусами и потом, повернув на запад, заставит силы противника, находящиеся в западной части Курской дуги, принять бой с перевёрнутым фронтом. Чтобы эффективно обеспечить с севера и востока эту операцию, группа Кемпфа должна теперь немедленно получить 24 тк. Естественно, что сил группы хватит только на то, чтобы продолжать наступление до района южнее Курска. Если же - и после преодоления кризиса на Орловской дуге - 9-ая армия не сможет возобновить наступление, мы попытаемся, по меньшей мере, разбить действующие сейчас против нас силы противника так, чтобы мы могли легко вздохнуть. В противном случае, если разбить противника

лишь наполовину, немедленно возникнет кризис не только в Донбассе, но и на фронте “Цитадель”.

Так как фельдмаршал фон Клюге считал исключённым возобновление наступления 9-й армии и, более того, считал необходимым вернуть ее на исходные позиции, Гитлер решил, одновременно учитывая необходимость снятия сил для переброски их в район Средиземного моря, остановить осуществление операции “Цитадель”. 24 тк в связи с угрозой вражеского наступления на Донецком фронте был подчинён группе, однако не для свободного его использования.

Гитлер все же согласился с тем, что группа “Юг” должна попытаться разбить действующие на ее фронте части противника и создать тем самым возможность снятия сил с фронта “Цитадель”.

После моего возвращения в штаб группы и совещания с обоими командующими армиями 16 июля были изданы приказы, согласно которым мы должны были нанести удары противнику еще до окончания битвы в районе Курской дуги.

4 танковая армия имела задачу - двумя короткими ударами на север и запад окончательно разбить части противника, расположенные южнее Псела.

Армейская группа Кемпфа должна была прикрыть эти атаки, действуя в восточном направлении, и одновременно, взаимодействуя с 4-й армией, уничтожить группировку противника, окружённую на стыке между обеими армиями.

Затем командование группы предполагало отвести обе армии на исходные позиции, несколько улучшенные в связи с характером местности, чтобы высвободить необходимые силы. Будет ли еще возможно разгромить ударом танков в западном направлении стоящие перед фронтом 52 ак силы противника - зависело от обстановки.

Мы просили 4 воздушный флот, который не смог в эти дни действовать в районе “Цитадель” в связи с плохими условиями погоды, перенести свои действия в район фронта на Миусе и Донце, чтобы он мог сорвать замеченные там приготовления противника к наступлению.

К сожалению, из этих планов ничего не получилось.

17 июля ОКХ приказал немедленно снять весь 2 тк СС и направить его в своё распоряжение, а 18 июля оно потребовало передать 2 другие танковые дивизии в распоряжение группы “Центр”.

В связи с таким уменьшением сил командование группы было вынуждено отказаться от запланированных ударов, прекратить операции и вернуть армии на исходные позиции.

17 июля противник, как и ожидалось, начал наступление на Донецком и Миусском фронтах. На участке 6-й и 1-й танковых армий противник осуществил значительные, хотя и местные прорывы. В связи с таким положением командованию группы удалось удержать хотя бы для использования в районе

Донбасса наряду с 24 тк, повернувшим уже в Донбасс, также и танковый корпус СС, предназначенный Гитлером для Италии.

Если, таким образом, командование группы вынуждено было прекратить сражение еще до его окончания, может быть перед самой победой, по крайней мере, на нашем фронте, то все же нам удалось нанести противнику серьезные удары. Нам удалось, по меньшей мере, частично, разгромить наряду со стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами противника, которые с самого начала были на этом фронте, также и большое количество подвижных соединений его оперативных резервов, расположенных в районе Курской дуги и перед Харьковским фронтом. В общем, против армий нашей группы стояли 11 танковых и механизированных корпусов и 30 стрелковых дивизий.

Они потеряли пленными около 34000 человек. Число убитых достигало приблизительно 17000. Если подсчитывать в выгодном для противника свете, то к этому надо еще добавить двойное число раненых, так что общие потери противника составляли около 85000 человек.

Потери обеих немецких армий составили 20720 человек, в том числе 3330 убитых. Все дивизии, за исключением одной танковой дивизии, остались боеспособными, хотя некоторые из них, а именно, некоторые пехотные дивизии, понесли значительные потери.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неуспех операции “Цитадель” можно объяснить многими причинами, главной из которых было отсутствие момента внезапности. Несмотря на ложные перегруппировки и маскировочные мероприятия, наступление не застало противника неподготовленным.

Но мы поступили бы неправильно, если бы видели причины неуспеха преимущественно в тактической сфере.

Операция “Цитадель” была прекращена немецким Главным командованием еще до исхода сражения по следующим причинам: во-первых, в связи со стратегическим влиянием других театров военных действий (Средиземное море) или других фронтов (2 танковая армия на Орловской дуге), и лишь во-вторых - в связи с тактической неудачей, а именно, остановкой наступления 9-й армии, которая поставила под вопрос по меньшей мере быстрое достижение исхода сражения.

Оба фактора можно было предвидеть или избежать, если бы немецкое Главное командование весной 1943 г. сделало бы из общей обстановки ясный вывод о том, что необходимо бросить все силы, чтобы достичь на востоке ничейного исхода войны или, по крайней мере, истощить ударную силу Советов. Одновременно оно должно было и действовать в соответствии с этим решением, определяя необходимое количество сил и сроки.

В отношении количества войск нам необходимо было бы небольшое усилие, главным образом за счёт пехотных дивизий, чтобы обеспечить успех наступления 9-

й армии, а также облегчить первый удар группы армий “Юг” и ускорить тем самым достижение успеха сражения. Было бы также достаточно усилить фронт 2-й танковой армии в такой степени, чтобы противник не мог, по крайней мере, быстро добиться здесь успеха, угрожающего тылу 9-й армии. Силы для этого усиления можно было бы, очевидно, найти на так называемых театрах военных действий ОКВ. Это можно было сделать, естественно, только за счёт значительного риска в Норвегии, Франции и на Балканах, а также за счёт своевременной эвакуации из Северной Африки, где и без того нельзя было снабжать действовавшую там армию. Гитлер же не решился пойти на этот риск и на оставление территории Африки. Он, может быть, это и сделал бы, если бы он смог предусмотреть те ошибки, которые сделают западные державы. Ошибки эти заключались в том, что они ещё год занимались ведением войны с гражданским населением Германии путём террористических воздушных налётов, прежде чем начать решающие операции по вторжению, а также в том, что они продвигали свой “второй фронт” после высадки на юге Италии вдоль всего “итальянского сапога”, вместо того, чтобы использовать более выгодные оперативные возможности, которые им давало полное господство на море и в воздухе.

Если говорить о сроках, то проведение операции “Цитадель” уже в конце мая или самое позднее в начале июня исключило бы, во всяком случае, совпадение ее с высадкой противника на континенте. К тому же у противника не была бы полностью восстановлена боеспособность. Если бы немецкое командование к тому же учло указанные мною выводы относительно использования войск, то и при неизбежном тогда отказе от увеличения количества танков мы бы достигли для операции “Цитадель” превосходства в силах, вполне достаточного для достижения победы.

Таким образом, неудача операции “Цитадель” объясняется тем, что немецкое командование пыталось избежать риска в отношении количества войск и времени, на который оно должно было пойти, если хотело обеспечить успех этой последней крупной немецкой наступательной операции на востоке.

Войска, а также их командование не виноваты в этой неудаче. Они вновь показали себя с самой хорошей стороны. Сопоставление данных о потерях обеих сторон показывает, насколько наши войска превосходили противника по своим качествам.

Не стоит говорить о том, привёл ли бы к лучшему результату ответный удар, первоначально предлагавшийся командованием группы армий “Юг”. Так как Советы действительно медлили до середины июля со своим наступлением, то мысль о нанесении упреждающего удара, во всяком случае, не была ложной. Можно также полагать, что Советы начали бы своё наступление в любом случае не позже лета 1943 г., так как на этом настаивали их союзники.